

2 3 АВГ 1985

У КАРТЫ ТЕАТРАЛЬНОЙ РОССИИ

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Московские гастроли

Якутского

государственного

драматического театра

имени П. А. Ойунского

С. ФЕДOTOV (Орган) в спектакле «Желанный, голубой берег мой...». Фото С. ГЕРАСИМОВА

ДОЛГОЕ время доходили слухи: в Якутске идет чрезвычайно интересный спектакль. Здесь молодой режиссер А. Борисов, возглавлявший коллектив драматического театра имени П. Ойунского, поставил повесть Ч. Айтматова «Пегий пес, бегущий краем моря». Спектакль, получивший название «Желанный, голубой берег мой...», восхищал зрителей в Хабаровске, где проходил театральный фестиваль «Героическое освоение Сибири и Дальнего Востока», восторженно отзывались о нем видевшие его в самом Якутске. И вот — театр в Москве, на Чистых прудах, дает представления на сцене театра «Современник».

Служа, как всегда, оказались верными лишь наполовину: кроме «Желанного берега...», с успехом прошла мисценировка романа юкагирского прозаика Семана Курилова «Ханидуо и Халерхал». Режиссер А. Борисов и художник Г. Сотников выступают здесь как тонкие и талантливые стилизаторы. Изобразительный строй, пластика мизансцен не скрывают своего фольклорного, орнаментального происхождения. Спектакль любитесь многоцветьем, красочностью северной природы. Как самостоятельные произведения искусства возникают на сцене картины народной жизни: то силуэт старика с трубкой, то девушка у очага, фигуры людей на фоне бледного неба. А вот над бабами холмами закружились ватистые рога оленей, фигуры пастухов, увлеченных трудной, но красивой работой.

Или сцена тихого праздника, когда все стойбище видит счастливых влюбленных и все немного завидует им, все радуется им.

И еще одна грань жизни: скорбное шествие к погосту, неожиданно завершившееся танцем женщин, чьи раскинутые руки напоминают крылья птиц, горестные, тоскливые, переполненные чувством, которое не выразить словами.

Прием стилизации, казалось бы, мощно настаивал на обобщенности и известной холодности действующих в спектакле персонажей. Но актеры столь органично восприняли прием, что сумели, не разрушая его требований и условий, раскрыть драму вполне конкретных людей со своими неповторимыми характерами.

Рисуя поэтическим пером картины прошлой жизни северных народов, театр вполне историчен. Он не старается сгладить социальные контрасты и противоречия, но социальное в спектаклях не кричит о себе, оно как бы растворено в самой атмосфере и отзывается у зрителя то болью, то грустью — в сцене ли кланяния шамана, грабительского ли торга песца за иголку.

В поэтической легенде театр открывает ее жизненные истоки, но бесстрастно читает главы исторической книги, вглядывается в лица, проникает в чувства и мысли конкретных людей. Поэтому так по-человечески трогает судьба красивой девушки, отданной за нелюбимого, так тревожно за будущее разлученного в родном стойбище маленького Ханидуо. Люди верят, что он должен стать богатырем. Но в то же время горестно понимают, что сами-то они живут не в сказке и реальная жизнь вокруг, а юноша — один из их сыновей. Вообще тема будущего, тревоги и заботы о нем, так понятная в наш век, проходит через все спектакли театра, каждый раз обретая новую интонацию, вбирая новый круг мыслей.

Забота о будущем мальчика Ханидуо сродни трагическому выбору, который делают взрослые охотники — герои повести Айтматова, сохраняя ценой собственной жизни Кирикса, впервые вышедшего в море на промысел.

Забота о будущем — не только любимая тема якутян, но и этическая норма жизни творческого коллектива. В этом театре, как и в каждом, есть народные и заслуженные артисты, но нет премьеров на особом положении, нет в нем и массовки. Как нет ее в жизни. Вероятно, поэтому многонаселенные спектакли этого театра не кажутся громоздкими. Здесь столько лиц, столько и судеб, запоминающихся, необходимых.

Якутский театр ищет в жизни неожиданное, яркое, почти сказочное, былинное. Он и в современности может говорить, лишь прежде превратив пьесу молодого драматурга Б. Харысхана в легенду, а главного героя сержанта Попова — в русского богатыря, и лишь затем примется рассказывать все по порядку: как сержант на рухляди автомобиля собрал, как вскружил голову девушкам всей округи, как деньги выиграл и всех одарил, как храбрость свою доказал, как почти умер, да друзья-фронтовики на даях: подняли падающего и поставили рядом с собой.

Этот спектакль — «В Амге была весна...» — поставлен молодым режиссером К. Сергучевым. Его искусство также состоит в простоте приема, ясности замысла, требует от актеров веры и открытых чувств. Спектакль достойно поддерживает постановку А. А. Борисовым повестью Ч. Айтматова. Художник Г. Сотников подвесил здесь лодку, как качели, приподняв ее над полом сцены. Края парусины на белых веревках — волны, время от времени возникающие на заднем плане; словно нарисованные пером, контуры стойбища — люди, сани, сети. Вот и все оформление. Все скупое, со смыслом, с целью, как сама жизнь северян. Четыре человека играют трагедию. Артисты С. Федотов, Г. Васильев, Х. Сметанин, Е. Степанов, чуть бытовые, достоверные, реальные, играют, не становясь на котурны, не принимая нарочито героических поз. Они сурово и убежденно возвращают трагедию с небес на землю — на единственно возможное для нее пространство.

«Жемитьбу» Н. В. Гоголя театр в проспекте скромно обозначил «попыткой». И действительно, много в этой попытке интересно и талантливо найденного. И декорации не без смысла: такой деревянный купеческий дом можно было видеть в самом Якутске. И платье в доме невесты, как в магазине, горы подушек, связки колбас — словно на продажу. И люди — поделом им: кто хром, кто толст, глуп и жаден — сыгранны выразительно. Но этот спектакль не слезнется, не может сложиться даже из сотни отдельных находок. Для него нужна одна-единственная образно-содержательная идея, которая бы подчиняла себе все остальные.

Театр сам настаивает на оценках без скидок на обстоятельства. Наставляет уровнем своих достижений, сокровенным смыслом программной композиции по произведениям П. Ойунского «Мной оставленные песни...» — спектакля жесткого и определенного, чуждого сентиментальности и пошловатости, как само время, выказавшее неслыханный характер поэта и революционера, коротко и определенно ответившего однажды испровергателям народного апос-оланхо: создайте лучше!

Нет без прошлого настоящего. И коллекция якутского театра крепко помнит об этом, и прежде всего — во имя заботы о будущем.

Геннадий БИРЮКОВ